

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания седьмой

7

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

М. А. АБДУРАИМОВ

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯН В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В XVI—НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Завоевание Средней Азии шейбанидскими узбеками в начале XVI в. нанесло большой урон земледельческой культуре Мавераннахра. Бесконечные феодальные войны и усобицы вели к упадку земледелия и орошения в отдельных областях края (например, в таком плодородном районе Зеравшана, как Мианкал). Особенно крупный ущерб причиняли вмешательства во внутренние дела Мавераннахра казахских кочевых племен¹.

Что же касается узбекских племен, вторгшихся в Мавераннахр в составе шейбанидских войск, то они не должны рассматриваться как сплошные кочевники, которым чужда была земледельческая культура.

Во-первых, некоторые узбекские племена пришли из низовьев Аму-Дарьи в плодородные оазисы Средней Азии как земледельцы и во многом отличались от узбекских кочевников-скотоводов. Во-вторых, узбекские кочевые племена имели орошаемые земли, и в земледельческий сезон располагались в районе посевов, а на зиму перекочевывали в свои селения. О таком специфическом способе ведения хозяйства свидетельствуют многие источники. В одном из них говорится, например, что узбеки долины Зеравшана «лето проводят в юртах, а на зиму собираются в города и деревни»². В Мианкале узбеки «живут селениями и кочуют также»³. Эта бытовая специфика узбекских земледельческих племен XVI—XVII вв. должна быть учтена нами при характеристике экономики Бухары и других среднеазиатских ханств периода позднего феодализма.

Все это не отрицает известного упадка земледельческой культуры, связанного с завоеванием страны Шейбанидами. Но хозяйственный упадок и обезлюдение плодородных оазисов носили временный характер. Сложившееся феодальное земледелие оседлых районов Средней Азии оказало сильное влияние на социальный строй шейбанидских узбеков начала XVI в., который, как отмечает П. П. Иванов, был в основном тем же, что и среди господствующего тюрко-монголь-

¹ Вмешательства казахов во внутренние дела Мавераннахра наблюдались и в XVI—XVIII вв., и в начале XIX в., в период восстания китай-кипчаков. Подробнее об этом см.: Мехман-намэ-йи Бухара, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1414, л. 40а—б, 93а—94а; Искандер Мунши, Тарих-и аламарай-и Аббаси, литогр. изд., перс. текст, Тегеран, 1314 г. х. (1896/97 н. э.), стр. 404 и след.; В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. вторая, ТВО РАО, т. X, СПб., 1864, стр. 342—343.

² Г. Спасский, Новейшее описание Великой Бухарии, «Азиатский вестник», кн. 5, СПб., 1825, стр. 305.

³ Известия об издании подлинника истории монголов и татар Абулгази Бахадур-хана, «Азиатский вестник», кн. 4, СПб., 1824, стр. 237.

ского (чагатайского) кочевого и полукочевого населения тимуридских владений⁴. Поэтому говорить о разрыве со старыми феодальными традициями после прихода шейбанидских узбеков не приходится⁵. Не следует забывать также, что в Средней Азии с давних пор существовал тесный хозяйственный контакт между земледельческим населением оазисов и полуоседлым скотоводческо-земледельческим населением периферийных районов⁶.

Овладев верховной политической властью в Средней Азии, господствующая военная верхушка узбекских племен, и ранее не чуждая культуре коренного населения Мавераннахра, приспособлялась к существовавшим в Средней Азии феодальным производственным отношениям. Об этом свидетельствует, в частности, следующее изречение, приписываемое Шейбани-хану. «Знай, что я добр ко всем; сообразен со всем населением [Мавераннахра]. Пусть чагатайцы не считают меня узбеком⁷ [и] напрасно не думают [о] неприятностях, хотя я [и] есть из узбекского племени (اوزيک ايليدين دورمن), но я благожелатель всех племен»⁸.

Завоевавшие Мавераннахр шейбанидские государи не могли не видеть его хозяйственного упадка и в своих интересах должны были проявить заботу о возрождении земледелия в крае. Об этом свидетельствуют, в частности, личное руководство Шейбани-ханомстройкой водораздела на Зеравшане в 908 (1502) г. х.⁹ и принятие им мер к возделыванию земель, заброшенных прежними владельцами, — так называемых «неизвестных имений» (маджхул ал-мулук)¹⁰. Шейбанидские ханы всячески поощряли деятельность известных шейхов Джуйбари по развитию земледелия в различных областях ханства¹¹. К XVI—XVII вв. относится также сооружение крупных оросительных каналов в Хорезме — Шах-абад, Ярмиш, Гази-абад, Янги-арык, Ургенч, Арна и др.¹²

Однако, как мы уже говорили, непрерывные феодальные войны и усобицы тормозили рост сельскохозяйственного производства. Так, путешественники, посетившие Среднюю Азию в XVII в., отмечают сравнительно незначительные размеры посевов зерновых в Маверан-

⁴ П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 35.

⁵ Там же.

⁶ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., Изд-во восточной литературы, 1962, стр. 284.

⁷ Понятие «узбек» было связано тогда с набегами кочевых народов Дешт-и Кипчака и казахских степей на культурные земледельческие районы. Поэтому отношение оседлого населения оазиса к узбекам-кочевникам было отрицательным.

⁸ Мухаммед Салих, Шейбани-намэ, под наблюдением и с предисловием А. Е. Самойловича, издал П. М. Меллиоранский, СПб., 1908, стр. 75. Термин аснаф (اصناف ед. ч. صنف) означает в переводе «классы». Но здесь этим термином обозначено кочевое и оседлое население страны.

⁹ См. «Шейбани-намэ», соч. Бинаи, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1632, л. 41 и след.

¹⁰ Мехман намэ-йи Бухара, соч. Фазлаллаха ибн Рузбехана, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 5885, л. 2096.

¹¹ Об этом свидетельствует богатый фактический материал, приведенный в двух капитальных трудах, посвященных хозяйству джуйбарских шейхов, — Ровзат ар-ризван ва хадижат ал-гилман (ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2094) и Матлаб ат-талибин (инв. № 80).

¹² Истории орошения Хорезма посвящены специальные труды; см. Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957; С. П. Толстов, По древним дельтам...

нахре. Русский посол Борис Пазухин (1669—1670) писал, например, что «хлеба в Бухарах и Балху и в Хиве сеют небольшие и за годом у них хлеба остается мало в коих домах»¹³.

Но все же в XVI—начале XIX в. в Средней Азии происходит постепенное развитие земледелия. Тюркоязычное и ираноязычное (таджики) земледельческое население Средней Азии обрабатывало поля, поддерживало и расширяло ирригационную сеть и несло основное бремя феодальной эксплуатации.

Что же касается кочевников-скотоводов, то они в основной своей массе принадлежали к кочевым узбекским племенам, вторгшимся в Мавераннахр в начале XVI в. и занявшим богатые пастбища в долине Зеравшана и в направлении к Аму-Дарье.

Вместе с искони жившими здесь кочевыми племенами тюрко-монгольского («чагатайского») происхождения, близкими им по укладу жизни, кочевые узбеки, несомненно, вносили известные изменения в землевладение и водопользование оседлого населения, стесняя и нарушая его права, эксплуатируя (в лице своей феодальной верхушки) оседлых земледельцев и временами совершая набеги на районы земледельческой культуры. Однако большая часть тюрко-монгольских племен Средней Азии осела на землю задолго до прихода в Мавераннахр Шейбанидов, и это способствовало растворению шейбанидских узбеков в среде местного земледельческого населения.

Оседлое и кочевое население, составлявшее ту массу производителей материальных благ, за счет которой жили прочие слои населения, называлось термином фукара (ар. فقرا букв. «бедняки»).

Терминологически это слово означает податное население и вообще народ. Крестьяне — собственники земли и арендаторы — определялись терминами дехкан и райят (ар. رعيت, мн. ч. رعايا), а кочевники-скотоводы — элят (тюрк. ايلات)¹⁴.

Как известно, вопросы феодального землевладения и различные категории его в Средней Азии и сопредельных странах неоднократно рассматривались в отечественной (русской и советской) и западно-европейской ориенталистике. Наиболее серьезные исследования появились в 30—60-х годах XX в.¹⁵

Надо сказать, что отдельные исследователи и путешественники толковали категории земельной собственности в Средней Азии исходя из шарнатских норм понятия землевладения¹⁶. Однако изложенная

¹³ Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухинным на посольство в Бухару, Балх и Юргенч для выкупа русских пленников, с приложением к наказу статейного списка о совершении Пазухинным посольства в 1669—1673 гг. под ред. А. Н. Труворова, «Русская историческая библиотека», 1894, стр. 61.

¹⁴ См. «Матлаб ат-талибин», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 80, л. 1126, 1996.

¹⁵ Подробный перечень и характеристика их даны в подготовленной нами монографии по исследуемой проблеме.

¹⁶ См., напр., Н. Ханьков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 114—119; Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Записки РГО» по отд. статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 313—328, 375—376; С. Идаров, Поземельное право и податная система по магометанскому законодательству, «Туркестанские ведомости», 1872, № 40—41; М. Н. Ростиславов, Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, «Труды третьего международного съезда ориенталистов», СПб., 1879, стр. 331—346; Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, СПб., 1911, стр. 48 и след.; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 193; А. А. Семенов, Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Ташкент, 1929, стр. 7—9; П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве. 1821—1825, М.—Л., 1927, стр. 34 и след.

в мусульманской юридической литературе классификация категорий земельной собственности, в силу абстрактности и путанности ее, не может быть принята, тем более для позднейшего периода истории Средней Азии (XVI—XIX вв.), без критического анализа.

Из общей массы мусульманских юридических сочинений особо выделяется «Хидайя» («Руководство на пути правды»), составленная в Мавераннахре (XII в.) Бурхан ад-дином Али Маргани¹⁷ применительно к условиям Средней Азии. Но в вопросах землевладения и землепользования автор «Хидайя» часто ссылается на известные положения Абу Юсуфа Якуба¹⁸. На практике же при решении конкретных вопросов землевладения и землепользования в Бухарском ханстве мы наблюдаем ссылки не на юридическую литературу, а на установившийся обычай (تعامل قديم)¹⁹ обычное право (адат). В суннитской

Бухаре, где господствовал ханифитский толк ислама, ссылки на адат были вполне допустимы.

Четкое научное определение сущности феодализма и природы феодальной собственности на землю было дано классиками марксизма-ленинизма. В. И. Ленин указывал, что «собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием существования помещичьего хозяйства²⁰. Сочетание собственности феодалов на землю с мелким самостоятельным хозяйством крестьян составляло характерную черту феодальной экономики. «Условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика»²¹.

Специфические особенности феодального землевладения и категории его в странах Ближнего и Среднего Востока были выяснены в новейших исследованиях советских историков-востоковедов²².

Феодальному обществу Средней Азии, как и развитому феодальному обществу других стран, был присущ иерархический раздробленный характер землевладения²³. Одна и та же земля имела над собой двух или нескольких владельцев, связанных отношениями соподчинения в иерархическом порядке.

В XVI — начале XIX в. в Узбекистане имелись следующие основные категории государственного и частнособственнического землевладения:

а) мульк — частнособственнические земли; б) мульк-и-хурр-и халис, мульк-и хурр, мульк-и халис или мульк-и хукм — обеленные (освобожденные) от налогов частновладельческие земли, или указные

¹⁷ مرغانی الدین رکن. ИВ АН УзССР, инв. № 13015 (Хидайя,

Комментарии мусульманского права, т. IV, пер. с англ. под ред. Н. И. Гродекова, Ташкент, 1893).

¹⁸ Абу Юсуф Якуб, Китаб ал-харадж, Булак, 1302 (1885) г. х.

¹⁹ См. ярлыки шейбанидских и аштарханидских государей из коллекции восточного отдела фундаментальной библиотеки Казанского университета [Материалы по истории узбекского народа]. Фотокопии этих документов были переданы нам Х. З. Зияевым (см. наши работы: «Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Опыт краткого исследования источника, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 12 и след.; Позднейшие упоминания о сойюргале, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 2, стр. 41 и след.); Письма эмира Хайдара, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1961, письма № 556, 66а, 703; О. Д. Чехов и ч. О размерах хараджа в Бухаре в XIX в., «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3, стр. 38—44.

²⁰ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 158—159.

²² И. П. Петрушевский, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М., Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 239 и след.

²³ См. там же, стр. 233.

мульки²⁴; в) мульки ханов и эмиров — удельные земли представителей правящих династий и ханских фамилий; г) мульки ушри и дахйаки.

В востоковедческой литературе мульк-и ушри и дахйак отождествляются (ар. 'ушр = перс. дахйак). В податном отношении эти льготные мульки облагались не хараджем (поземельным налогом, составлявшим в изучаемый период 1/5—1/3 части урожая), а десятиной (1/10)²⁵. Но, хотя лексически ушр и дахйак означают одно и то же — «десятину», терминологическое значение их в Бухарском ханстве было не одинаковым. Ушр поступал в государственную казну — диван. А дахйак представлял собой отчисление государством 1/10 части податей с отдельных земель (в том числе амляковых) в пользу религиозных учреждений. В этом смысле дахйак был как бы вакфом, назначаемым государством в пользу, мечетей, медресе, мазаров и т. д.²⁶

Полноценную частную земельную собственность представляли собой обеленные земли. Источники образования их были различными. Это могло быть ханское пожалование тем или иным лицам за счет государственных земель (амляк, замин-и мемлекэ и т. д.), предварительно освобожденных от уплаты податей; купля-продажа или наследование земель, ранее обеленных от податей указом государя. Но чаще всего обеленные земли образовывались следующим путем. Владельцы хараджных мульков отдавали государству 2/3 своей земли, чтобы оставшаяся треть ее была освобождена от податей. Таким же образом поступали и покупатели амляковых земель²⁷.

Земли мульк-и хурр-и халис, как настоящая земельная собственность, ценились очень высоко при различных сделках — купле-продаже, завещаниях, наследовании и т. д. Кроме них, все прочие (даже вакуфные)²⁸ земли были обложены налогами в пользу государства.

Вопрос о государственных землях в Средней Азии («амляк», «мемлекэ», «замин-и падишахи», «мульк-и султани», «араз-йи падишахи», «мульки-дивани» и др.) в общем освещался в исторической литературе. Как известно, термин амляк (املاك) грамматически означает мн. ч. от «мульк» (ملك), но в Средней Азии он получил специфическое значение государственных земель (املاك).

Амляковой форме феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве было посвящено специальное исследование К. М. Мирзаева²⁹. Теоретически, на основании указаний классиков марксизма-ленинизма, автор правильно понял сущность амляковых земель, однако он признает существование лишь одного вида феодального землевладения. Искусственно применяя высказывания К. Маркса о господстве

²⁴ См. «Письма эмира Хайдара», № 56, 141, 480, 488, 528, 533, 535, 637; М. Н. Ростиславов, указ. статья, стр. 333—339; Н. Ханьков, указ. соч., стр. 117—118; А. А. Семенов, Очерк..., стр. 9; О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты, феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во АН УзССР, стр. XIX, док. 10—12, 18—21.

²⁵ См. Н. Ханьков, указ. соч., стр. 117; Л. Н. Соболев, указ. соч., стр. 315; М. Н. Ростиславов, указ. статья, стр. 339—340; С. Идаров, указ. статья; А. А. Семенов, Очерк..., стр. 24; История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1947, стр. 160.

²⁶ Письма эмира Хайдара, письмо № 481.

²⁷ О. Д. Чехович, Документы..., стр. XIX, док. 21, 40.

²⁸ О. Д. Чехович, О размерах хараджа..., стр. 38 и след.

²⁹ К. М. Мирзаев, Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1954.

государственного землевладения в странах Востока в раннем средневековье к Бухарскому ханству XIX в., К. М. Мирзаев утверждает о существовании здесь только одной категории феодального землевладения — амляк.

Между тем, известно, что в XVI—XIX вв. даже амляковые земли постепенно переходили различными путями в руки частных землевладельцев, и государство в Средней Азии лишь теоретически было верховным собственником земли.

Источники образования государственных земель были различными — завоевание страны мусульманами, освоение неорошаемых, «мертвых» земель (زمین موات) и т. п. В связи с завоеванием

Мавераннахра Шейбанидами земельный фонд страны переходит в руки новой государственной власти. В результате конфискации земель у прежних владельцев и физического истребления многих из них большинство частновладельческих земель (мульков) также перешло в руки государства. Для юридического обоснования этой конфискации земли, оставленные прежними владельцами, были объявлены «неизвестными именами» (مجهول الملك)³⁰.

Автор «Мехман-намэ-йи Бухара» Рузбехан, ссылаясь на «Тарих-и Вассаф»³¹, так описывает политику правителей Фарса — атабеков (XII—XIII вв.) в отношении земель, владельцы, которых «не были известны». Если кто-либо не мог документально доказать, что он владел данным участком земли в течение 50 лет, он терял право владения (مالکيات) на эту землю, которая переходила в государственную казну — диван³².

Амляковые земли (или земли мемлекэ) могли передаваться в издольную аренду или, что то же самое, в пользование либо во владение крестьянам на условиях обложения их поземельной податью (хараджем). Государственная собственность на землю мемлекэ (амляк) сочеталась с общинным и мелким частным землепользованием или держанием. Государство выступало на таких землях в качестве непосредственного эксплуататора крестьян на феодальной основе. Эксплуатация осуществлялась с помощью финансового дивана (اعمل)

или финансовых чиновников (عاملان خراج).³³ (دیوانی)

Ряд авторов³⁴ правильно отмечают, что хараджные и амляковые земли — это два особых вида земель. Правда, государственные земли (вернее, их арендаторы, издольщики) облагались хараджем так же, как и частнособственнические земли. Поэтому проводить различие в податном отношении между амляковыми и хараджными землями не следует. Но эту разницу можно было наблюдать в юридическом смысле, при совершении различных сделок. Известно, что хараджные земли можно было свободно продавать, передавать в наследство, закладывать, завещать в вакфы и т. д. В Бухаре, как мы уже говорили, все виды земель (кроме мульк-и хурр-и халис) были податными, но характер податей был различным.

³⁰ Мехман-намэ-йи Бухара, л. 2096.

³¹ См. Абдуллах ибн Фазлуллах Вассаф, Китаб-и таджзийат ал-амсар ва таджзийат ал-асар, Бомбей, литогр. изд., 1269 (1852/53) г. х. (перс. текст).

³² Мехман-намэ-йи Бухара, л. 2076 — 2096.

³³ Мактубат, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 289, л. 956; см. И. П. Петрушевский, Земледелие..., стр. 235—236.

³⁴ А. А. Семенов, Очерк..., стр. 22—25.

Хараджем облагались и вакфные земли. Вопрос о вакфах освещен в востоковедческой литературе. Юридические вопросы завещания земель и другого имущества в вакф с предельной ясностью изложены в «Хидайя»³⁵.

Вакф — это особая категория феодальной собственности³⁶, образуемая путем завещания движимого или недвижимого имущества государем или иными лицами в пользу религиозных и благотворительных учреждений, библиотек, мостов, дорог и т. п.

При существовавшей наследственности духовных должностей вакфы, естественно, превращались в наследственные владения. Кроме того, они нередко были личными (вакф-и ахли) и семейными (вакф-и авлад), специально учрежденными для содержания фамилии сейидов, потомков почитаемых суфийских шейхов и других знатных фамилий. В таких вакфах звание их фактического распорядителя — мутаваллия — обычно было наследственным и принадлежало представителю данной фамилии³⁷.

В вакфных завещаниях подробно указывались размеры распределения доходов между вакфопользователями, в число которых, как правило, входили: мутавалли; мударрис медресе и учителя мактабов при мечетях; мулла-бачча — учащиеся медресе; имам — читающий в мечети ежедневные пятикратные молитвы; муаззин — призывающий мусульман к молитве, суфи; хатиб — читающий молитвы и хутбу по пятницам; махсурахан — чтец корана; это чтение посвящалось аллаху, пророку (Мухаммеду), правоверным халифам, государю, родственникам вакфозавещателя и т. д.; сартараш — цирюльник; фарааш — сторож, он же прислужник при мечети или медресе, дворник и т. д. Более детальные данные о пользовании доходами вакфа имеются в завещаниях Ходжа Ахрара³⁸ и Алишера Навои³⁹.

Кроме указанных выше категорий земель, в XVI—XVIII и отчасти в XIX в. в Бухарском ханстве существовали и иные феодальные институты, связанные с земельными пожалованиями правителей страны тем или иным лицам за несение военных или гражданских (светских и духовных) должностей. Земли могли быть пожалованы этим же лицам и в виде пенсии за их прежнюю службу⁴⁰.

К таким категориям феодальных земельных владений относились:

1. Сой юргал. Основными юридическими и экономическими особенностями сойюргала по сравнению с институтом икта' XI—XIV вв. были наследственность и административно-судебный иммунитет⁴¹. Эти привилегии полностью сохранялись и в период царствования первых Шейбанидов. При Аштарханидах же характер сойюргала

³⁵ Хидайя, т. I, стр. 139 и след.

³⁶ См. И. П. Петрушевский, Земледелие..., стр. 247—261.

³⁷ Абд ар-Раззак Самарканди, Матла' ас-садайн, изд. Мухаммед Шафи, Лахор, 1368 г. х. (1949 г. н. э.), стр. 868; Вакф-намэ Ходжи Ахрара в пользу двух самаркандских медресе, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 18; Фитрат, Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии, «Записки Института востоковедения АН СССР», II, 2, Л., 1933, стр. 70—73 (вакфная запись Шейбани-хана); Мухаммед Якуб ибн эмир Данийал-бий, Гульшан ал-мулук, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1507/III, л. 1376; Самария, стр. 171—173; В. Л. Вяткин, Материалы..., стр. 26, 32, 37; Рашахат, Лакнов, литогр. изд., 1308/1890, стр. 321.

³⁸ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 18.

³⁹ Бако, وقفه على شیر نواي 1926, стр. 43—52.

⁴⁰ Подробнее см. М. А. Абдураимов, Позднейшие упоминания о сойюргале, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 2, стр. 43 и след.; его же, К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст) в Узбекистане в XVI—XVII вв., «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 4.

⁴¹ И. П. Петрушевский, Очерк., стр. 153, 171.

несколько изменился. Он сохранился как наследственный лен, а прочие привилегии на практике исчезли. Государственная казна (диван) отказывалась в пользу владельца сойюргала (صاحب سيورغال) только от определенных видов налога-ренты.

Если сойюргал XIV—XV вв., как это и отмечено в исследовательской литературе, характеризовался полным налоговым и административным иммунитетом, то при Шейбанидах и Аштарханидах, как показывает наше исследование, подобные привилегии не были уже обязательно связаны с сойюргалами⁴². Если же они и предоставлялись владельцам сойюргалов, то теперь для этого требовалось особое пожалование, и привилегия полного налогового иммунитета именовалась дарбаст (дарубаст). Эти изменения в природе института сойюргал прослежены нами на документах XVI—XVII вв., большей частью впервые введенных нами в научный обиход⁴³.

2. Танхо (танхвах — تنخواه) — временное условное пожалование служилым людям, военачальникам и т. д., своего рода бенефиций, бывший как бы возвратом к первоначальной форме икта'. Последний термин встречается в источниках XVI—XVII вв. как синоним терминов танхо и тиуль⁴⁴. В танхо жаловалась не земля, а лишь рента-налог с нее⁴⁵.

3. Дарбаст (дарубаст). Экономической и юридической специфике этого феодального института, бытовавшего в Узбекистане в XVI—XVII вв., посвящена одна из наших работ, где сделана также попытка выяснить этимологию указанного термина⁴⁶.

Как уже отмечалось выше, под указанными видами феодального землевладения и землепользования мы подразумеваем ленные пожалования и бенефиции, связанные с несением определенных военных или гражданских служб. Кроме того, существовали иные виды земельных пожалований, на которых мы не имеем возможности здесь остановиться.

Исследование категорий земельной собственности в Бухарском ханстве показывает, что основной земельный фонд страны был сосредоточен в руках светских и духовных феодалов, подвергавших жестокой эксплуатации широкие массы непосредственных производителей — крестьян.

Крестьянские массы, юридически не прикрепленные к земле, фактически находились в личной зависимости от феодалов, подвергались внеэкономическому принуждению со стороны феодалов и феодального государства, платили им различные налоги и выполняли многочисленные повинности.

Ведущей формой феодальной ренты в Средней Азии была продуктовая, которая господствовала здесь длительное время. Этот факт, а также господство издольной аренды в эксплуатации крестьян

⁴² Подробнее см. М. А. Абдураимов, Позднейшие упоминания о сойюргале, стр. 43 и след.

⁴³ См. М. А. Абдураимов, К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст)...

⁴⁴ См. «Убайдулла-намэ», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 89а, 203а; Абдулла-намэ, ркп. Института народов Азии, Д. 88, л. 438а; И. П. Петрушевский, Хамдаллах Казвини, как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья, «Известия АН СССР», ООИ, 1937, № 4, стр. 884.

⁴⁵ См. М. А. Абдураимов, Позднейшие упоминания о сойюргале, стр. 44—45.

⁴⁶ М. А. Абдураимов, К вопросу о феодальном институте дарбаст (дарубаст)..., стр. 40 (см. там же источники).

были одними из основных причин отсталости феодального общества Средней Азии. Как указывал К. Маркс, «благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма (рента продуктами. — М. А.) как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии»⁴⁷.

Вместе с тем, как это видно из наших источников⁴⁸, в феодальном обществе Средней Азии существовала и денежная рента.

На практике установленные шариатом подати (харадж, ушр, дахйак, закят) со временем претерпели в Бухарском ханстве существенные изменения, и с податного населения взималось множество сборов и податей, не предусмотренных шариатом.

В изучаемый период харадж применялся в двух формах.

1. Харадж-муаззаф (خراج مؤظف) или харадж-вазифа (خراج وظیفه). Размер харадж-вазифа устанавливался раз и навсегда на определенные площади земель, независимо от полученных урожаев и вообще от наличия там посевов. Обычно этот налог взимался в натуре и деньгах дважды в год — весной и осенью.

2. Харадж-и мукасама (خراج مقاسمه) — поземельная подать, исчисляемая из доли урожая. Она была различной для разных областей и земель и также взималась натурой и деньгами (согласно рыночной цене хлеба)⁴⁹.

Из данных нарративных и документальных источников видно, что, помимо указанных, в Бухарском ханстве существовало еще свыше 50 видов денежных и натуральных податей⁵⁰. Народные массы ханства изнывали под гнетом жестокой эксплуатации и произвола феодалов.

Как известно, феодальная формация предполагает личную зависимость крестьянина, но эта зависимость не всегда принимает юридическую форму крепостного состояния.

К. Маркс подчеркивал, что феодальная зависимость не всегда выливается в форму юридического закрепощения⁵¹. В. И. Ленин, разъясняя, что внеэкономическое принуждение, или зависимость крестьянина от помещика, может принимать самые различные формы, писал:

⁴⁷ См. К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 18.

⁴⁸ См. М. Абдураимов, *Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара*, «Известия АН УзССР», СОИ, 1959, № 6, стр. 24 и след.

⁴⁹ См. «Мехман-намэ-йи Бухара», л. 206а — б; Мактубат, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 289, л. 168а — 169б, 180а — 181б; Бабуур, *Китаб аз-закат*, критический текст, подготовленный С. А. Азимджановой, в сб.: «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 81—113; [Материалы по истории узбекского народа], стр. 28, 33; Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 80, л. 116а — б; Убайдулла-намэ, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 204а; Письма эмира Хайдара, письма №№ 483, 498, 528, 699, 711, 755; Л. Н. Соболев, указ. соч., стр. 315, 376; А. Л. Кун, *Бухарские порядки*. Заметки о порядке взимания поземельных податей, «Туркестанские ведомости», 1873, № 32; А. А. Семенов, *Очерк...*, стр. 22; его же, *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях их носителей в средневековой Бухаре*, «Советское востоковедение», V, М. — Л., 1949, стр. 142, прим. 15; И. П. Петрушевский, *Земледелие...*, стр. 340 и след.; М. Абдураимов, *Некоторые предварительные соображения о письмах эмира Хайдара*, стр. 23—24; М. Абдураимов, *Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара*, стр. 32—51; О. Д. Чехович, *О размере хараджа в Бухаре в XIX в.*, стр. 38—44.

⁵⁰ Убайдулла-намэ, л. 204а; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 227.

⁵¹ К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1951, стр. 803.

«Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина»⁵².

Эти указания классиков марксизма-ленинизма вполне соответствовали и положению крестьян в феодальной Средней Азии. Данные, имеющиеся в ярлыках⁵³ шейбанидских и аштарханидских государей, и документы, опубликованные А. А. Семеновым⁵⁴ и О. Д. Чеховичем⁵⁵, не оставляют сомнений в существовании в Средней Азии феодальной зависимости крестьян, формы которой были самыми различными ввиду разнообразия конкретных форм феодального хозяйства.

Например, в ярлыке правителя Ферганы, аштарханидского царевича Эшмухаммеда Бахадур-хана от 1029 (1620) г. х. о назначении андижанского казия прямо говорится: «Его [Камал ад-дина кази] прежних слуг по [нашей] милости пожаловали вышеупомянутому»⁵⁶, т. е. самому казию.

В более позднее время (конец XIX—начало XX в.) феодально зависимых людей, согласно нашим этнографическим исследованиям, в Бухаре называли термином «йетим» (букв. «сирота»). Этим же термином определяли так называемых «кошчи» («пахарь», букв. «погонщик волов») — издольщиков, работавших у богатых крестьян в течение сельскохозяйственного года, как правило, за определенную долю урожая (часто за 1/4 часть его)⁵⁷.

При Тимуридах термин «йетим» имел иной смысл⁵⁸. В одном из ярлыков узбекских государей от 1008/1600 г.⁵⁹ о пожаловании должности казия Андижанского вилайета казию Абдулма'ани, в частности, указывается, чтобы «никто не причиняли беспокойства его йетимам (یتیم لاریغه) перешедшим к нему от его отцов и дедов»⁶⁰. Здесь мы подразумеваем под йетимами людей, занятых в хозяйстве (в том числе земледельческом) казия. Характерно, что они переходили по наследству.

Интересный формуляр из «Сборника документов XV—XVI вв.»⁶¹, свидетельствующий о зависимости крестьян от феодалов, был опубликован С. Л. Волиным⁶². Однако надо учесть, что формуляры носят приближенный характер источника, и к их данным следует относиться критически.

⁵² В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 159.

⁵³ См. [Материалы по истории узбекского народа], стр. 63—64, 84—85. Об этих источниках см. нашу статью: «Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара», стр. 33 и след.

⁵⁴ А. А. Семенов, Очерк..., стр. 29.

⁵⁵ О. Д. Чехович, Документы..., стр. XII—XIV, 14—23.

⁵⁶ [Материалы по истории узбекского народа], стр. 84—85.

خدمتکاران قدیمی اورا بمشار الیه شفقت نمودیم

⁵⁷ М. Абдураимов, Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан, «Советская этнография», 1959, № 4, стр. 48.

⁵⁸ При Тимуридах под термином йетим (یتیم) подразумевали особую группу городской бедноты. (Алишер Навои, Возлюбленный сердец, Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948, стр. 47).

⁵⁹ Имя государя, указанное в печати, мы не смогли прочесть в фотокопии (документ на узб. яз.).

⁶⁰ [Материалы по истории узбекского народа], стр. 63—64.

اتا اتالاریدین قالغان یتیم لاریغه هیچ آفریده ءمزاهیم بولماسونلار

⁶¹ Ркп. Института народов Азии, А 210, л. 124а — б.

⁶² С. Л. Волин, К истории среднеазиатских арабов, «Труды второй сессии ассоциации арабистов», М.—Л., 1941, стр. 119—120.

В опубликованном А. А. Семеновым⁶³ ярлыке Имамкули-хана (без даты) о пожаловании ташкентскому ишану Арифхан-шейху земель под Ташкентом говорится, что эти земли, жалуются вместе с сидящими на них крестьянами-арендаторами (مع رغایا). Термин «хисар» (حصاری) в указанном документе означает феодальную крепость (замок) с орошенными пашнями вокруг. Следовательно, речь идет о передаче упомянутому лицу земель вокруг крепости вместе с сидящими на них крестьянами. зависимости издольщиков (مردکار) от владельцев имений (املاك خاصه) свидетельствуют и данные нарративных источников⁶⁴.

Одной из тяжелых форм эксплуатации крестьян была принудительная мобилизация сельского населения на различные трудовые повинности (бигар, хашар, кара-черик и др.)⁶⁵.

Жестокий гнет и произвол феодалов, нараставшие по мере развития феодальных отношений, вели к обострению социальных противоречий и усилению классовой борьбы. В изучаемый период в Средней Азии происходят неоднократные восстания трудящихся масс, характер и ход которых отчасти освещен нами в ранее опубликованных работах⁶⁶.

Здесь мы отметим, лишь, что эти выступления были стихийными, неорганизованными и нередко использовались представителями феодальной аристократии в их сепаратистских, децентрализаторских устремлениях. Тем не менее, эти антифеодальные по своей сущности движения ослабляли и расшатывали устои феодально-деспотического строя в Бухаре и других среднеазиатских ханствах.

М. А. Абдураимов

ФЕОДАЛ ЕР ЭГАЛИГИНИНГ БАЪЗИ БИР КАТЕГОРИЯЛАРИ ҲАМДА XVI-XIX АСР БОШЛАРИДА БУХОРО ХОНЛИГИДАГИ ДЕҲҚОНЛАР АҲВОЛИ ҲАҚИДА

Мазкур мақолада феодал ер эгалигининг баъзи бир категориялари (вақф, амляк, мулк, сойюргал, танхо, дарбаст ва бошқалар) XVI—XIX аср бошларида Бухоро хонлигидаги деҳқонлар аҳволи ва феодал рентаси ҳақида қисқача обзор берилади.

⁶³ А. А. Семенов, Очерк..., стр. 29.

⁶⁴ См. «Убайдулла-намэ», л. 107а.

⁶⁵ См. «Мазхар ал-ахвал», соч. Мухаммед-Амина ибн Мулла Нур-Мухаммеда, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1936 (см. заключение — хатимэ); Гульшан ал-мулк, соч. Мухаммеда Якуба Бухари, См. Д. Г. Вороновский, Гульшан ал-мулк Мухаммеда Якуба Бухари, кандидатская диссертация, Ташкент, 1947, стр. 158 (рукопись); О. Д. Чехович, Документы..., стр. 14—23; Убайдулла-намэ, л. 107а; Мир Абдукарим Бухари, Histoire de l'Asie Centrale, стр. 46, 62; Мирза Абдал Азим Сами, Тухфа-и Шахи, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7419.

⁶⁶ М. Абдураимов, К истории народных движений в Бухарском ханстве в XVI—XVIII вв., «Известия АН УзССР», 1956, № 4, стр. 63 и след.; его же, Вопросы феодального землепользования и феодальной ренты в письмах эмира Хай-дара, стр. 65—70.

ЎЗБЕКИСТОНДА ИЖТИМОЙ ФАНЛАР

Ўн саккизинчи йил наشري

11

1974

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восемнадцатый

Вақф ерлар, мулкларни бошқариш, ремонт қилиш, йиғилган маблағни керакли жойларга сарфлаш, келадиган даромаднинг камайиб кетмаслиги, умуман хўжалик ишларини мадрасанинг мутавалиси бошқарган. Мадраса ихтиёрига берилган ерлар, дўкон, карвон сарой, тегирмон, тасдиқланган «вақфнома» асосида қози томонидан расмийлаштирилган. Вақфномадан ташқари «восихи» ва «иноатнома»лар бўлган²².

1866 йил маълумотига асосан, Тошкент шаҳридаги мадрасаларнинг вақф ерлари 6615 танобин ташкил қилган²³.

1892 йилда бутун Туркистон ўлкаси бўйича вақф даромади 140923 сўмни ташкил қилган, шундан Тошкент мадрасаларининг даромади 10740 сўмни ташкил этган²⁴.

Вақф ҳиссбидан энг юқори даромад олувчи мадраса Хўжа Ахрор ҳисобланиб, ўртача йилига 3100 сўмни ташкил қилган²⁵.

Даромаднинг ўндан бир қисмини мутавали олган, ундан 3 қисми мударрисга, қолгани талабалар, имом, фаррош, сартарош ва бошқаларга тақсимланган.

Мадрасаларда мударрислар, мутавалилар, қозилар, имомлар, қисқаси жоҳил ва фанатиклардан иборат бир ғуруҳ кишилар етишиб чиқарди. Шубҳасиз, мадрасаларда ўқиганлар орасидан айрим талантли шоирлар, илгор мутафаккирлар ва замонасининг маърифатпарвар ходимлари етишиб чиқди. Масалан, Аҳмад Дониш, Муқимий, Фуқрат ва бошқалар. Булар машҳур тараққийпарвар арбоблар даражасига кўтарилдилар²⁶.

Хатто кейинги йилларда халқ маорифини ривожлантиришга салмоқли ҳисса қўшган педагоглар мадрасаларда таҳсил кўрганлар. Булардан бири рус-тузем мактаблари учун чиқарилган дастлабки алифбени (устоди—аввал) автори Саид Расул Саид Азизовдир. У 1900 йилда Махмуд дастурхончи мадрасасини тугатиши билан бир вақтда Тошкентдаги биринчи рус-тузем мактабин битирганлиги ҳақидаги гувоҳномани ҳам олди. Шундан кейин ўзи ўқиган рус-тузем мактабида ўзбек группасига дарс берди. 1904 йил сентябрдан Туркистон ўқитувчилар семинариясида ўзбек тилида амалий машғулотлар олиб борди. А. Н. Самойлович ва В. В. Бартольддек улкан шарқшунос олимларнинг яқин дўсти бўлган Саид Азизов 1910 йили Москва, Петербург шаҳрларига бориб ўқув юртларининг иш тажрибалари билан танишган. «Раҳбари форсий» дарслигининг муаллифи тошкентлик Муҳаммад Расулов Расулий (1884—1935) Бегларбеги мадрасасида ўқиб юрган давридаёқ муфтилик вазифасини ҳам бажарар эди. 1907 йилдан Бешёғоч даҳасидаги Арпаоя маҳалласида ташкил қилинган 4-рус-тузем мактабининг ўзбек синфларида дарс берди, мактаблар учун дарслик китоблар яратди.

XIX асрнинг 1870—1890 йилларидаги Туркистон халқ маорифини мадрасалар мисолида ўрганаётган эканмиз, уларда асосан диний маълумотлар берилишига қарамай, юқорида кўрсатилганидек таниқли олимлар шоирлар етишиб чиқди. Ушбу фактлар мадрасаларнинг ўз даврига нисбатан диний олий мактаб ролини ўтаганлигидан далолат беради.

Бироқ, халқ оммасининг барча табақалари мадрасаларда ўқиш, илм олиш имкониятидан маҳрум эди, унинг эшиклари аксари бойларнинг фарзандлари учун очик эди. Фақат Улуғ Октябрь шарофати билан меҳнаткаш халқ фарзандлари ҳар томонлама ва чуқур билим олиш имкониятига эга бўлди.

Ш. Ш. Исмоилов

²² Қ. К. Пален. Отчет по ревизии учебного дела Туркестанского края, СПб., 1910, стр. 120.

²³ УзССР М. Д. архиви. ф. 36, оп. 1, д. 2819, л. 216.

²⁴ УзССР М. Д. архиви. ф. 47, оп. 1, д. 353, л. 232.

²⁵ Қ. К. Пален. Отчет по ревизии учебного дела Туркестанского края, СПб., 1910, стр. 120.

²⁶ И. М. Мўминов. Танланган асарлар, 1-том, Тошкент, 1969, 174—175-бетлар.

КОШБЕГИ, А НЕ КУШБЕГИ

(К истории установления власти кошбеги в Бухарском ханстве)

В период правления последних аштарханидских (джанидских) государей в Бухарском ханстве начинается возвышение власти кошбеги, который, будучи начальником ставки ханских войск, имел под своей командой вооруженные силы страны и пользовался огромным влиянием в государстве. В научной литературе до последнего времени бытовало мнение, что происхождение термина «кошбег» связано с птичьей охотой, поскольку лицо, ведавшее ханской соколиной охотой, называлось кушбег.

т. е. «начальник птичьей охоты», или начальник охоты вообще¹. Однако в Бухаре начальника ханской охоты называли «мир-и шкар» или «мир-и шкори»², что соответствует должности «егермейстера» в странах Западной Европы и России.

К именам людей, занимавшихся кормлением, лечением и дрессировкой хищных птиц, прилагалось определение «чи» — кушчи (букв. «птичник»), а чаще — конкретное название охотничьих птиц, например: лачинчийан (لاچین چیان — сокольниковые), карчиликийан (قرچقای چیان — кречетники), ковчийан (قوچیان — беркутчики)³, фирғичиян — лица, следившие за ястребами⁴.

В известном словаре Л. Будагова значение термина кушчи قوشچی объяснено так: «птичник, тот, кто ходит за птицами; начальник птичьей охоты, сокольник»⁵.

В словаре В. В. Радлова термин кушчи (قوشچی — чагатайское наречие), персидский вариант кушбаз (قوشباز) разъяснен как птицелов, сокольниковый, охотник за птицами, любитель птиц и торговец птицами⁶.

Как видим, между терминами кушчи и кошбеги (от тюркского «кош») нет ничего общего. Вероятно, бытовавший в литературе термин кушбеги связан с одинаковым начертанием слов «куш» («птица») и «кош» («ставка») — قوش

Проф. А. А. Семенов полагал, что «Бухарский трактат» составлен в конце XVIII в., на основании даты — 3 шаввала 1210 г. х. (1 апреля 1797 г. н. э.), которая указана в памятнике «Маджма' ал-аркам»⁷. Тогда Бухарским ханством (вернее, уже эмиратом) управлял упразднивший должность кошбеги (по крайней мере, на время своего царствования) Шах-Мурад бий (эмир Мас'ум — «безгрешный»). Можно предположить, что при нем лицо, ответственное за царское охотничье хозяйство, именовалось кушбеги, хотя в истории неизвестно увлечение Шах-Мурада охотой. Можно допустить также, что наряду с кошбеги существовал и кушбеги, а со временем в памяти людей оба термина смешались, тем более, что начертание этих слов одинаково:

قوش بیگی

Мало вероятно, чтобы лица, ведавшие охотничьими птицами ханского двора, возвысились до положения главы правительства⁸. Другое дело — усиление власти кошбеги — начальника ставки (лагеря) ханских войск. Правда, реальная власть кошбеги то ослабевала, то усиливалась в зависимости от конкретных социально-политических условий в стране, личных качеств правящих государей и самих кошбеги. Например, в Бухаре, роль кошбеги как первого лица после государя повышается с самого начала XVIII в., когда государство Аштарханидов (Джанидов) начало клониться к упадку, а при слабовольном хане Абу-л-Файзе (1711—1747) власть кошбеги усилилась настолько, что он перестал считаться даже с ханом⁹. Историограф Абу-л-Файз-хана Абд ар-Рахман Давлет Тали прямо пишет, что после убийства Аштарханида Убайдулла-хана (1711) «вся власть перешла в руки верховного кош-

¹ Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 53—54.

² Бадр-ад-дин Кашмири. Равзат ар-разван, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2094, л. 177 б—188 а; Абу-л-Аббас Мухаммед Талиб ибн Тадж-ад-дин. Матлаб ат-талибин, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 080, л. 81 а.

³ قو букв. «лебедь». Но лебедь не охотничья птица, и в контекстах под قو подразумеваются беркуты.

⁴ Богатый фактический материал по охотничьему хозяйству бухарских государей см. в сб. документов XVI—XVIII вв.—Мактубат, Мунша'ат, Маншурат, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 289.

⁵ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 81.

⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899, стр. 1031.

⁷ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, V, М.—Л., 1948, стр. 138.

⁸ قوش بیگی ترکستانده وزیر مقامنده بیوک بر رتبه (منصب) اسمیدور صدر اعظم باش وکیل. لغت چغتای و ترکی عثمانی شیخ سلیمان افندی بخاری استانبول جلد I هجری یل 1300, 1882—1883, стр. 236

⁹ См. «Убайдулла-наме», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 247а; «Тарих-и Абу-л-Файз-хан», ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11, л. 32а, 32б.

беги Джавшан-калмак»¹⁰ Но должность кошбеги, как начальника ставки войска, существовала и прежде, на что обращал внимание еще акад. В. В. Бартольд; носителя этой должности он называл «кошбеги», а не «кушбеги»¹¹.

Махмуд ибн эмир Вали, автор ценного источника «Бахр-ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») отмечал, что на аудиенциях при дворе «первое место есть место курчи-баши (главы телохранителей); за ним последовательно [сидят] кошбеги, чохра-агаси (начальник пажей)»¹² и т. д. Исходя из этого, В. В. Бартольд правильно подметил, что «кошбеги, собственно «князь [ханской] ставки, лагеря», тогда еще не был первым министром»¹³. Ссылаясь на сообщения Мухаммед Вафа-и Керминаги, автора «Тухфат ал-хани», В. В. Бартольд писал, что «при Мухаммед-Рахиме (первом мангытском государе, правившем с 1752 по 1758 г.) кошбеги уже был «везиром всего царства»¹⁴.

Обратимся к терминологическому значению слова «кош». У тюрко-монгольских народностей под этим термином обозначалась ставка или лагерь (военный). Так, в маршруте известного посольства русского капитана И. Унковского к калмыкам местоположение главной ставки последних названо «кош»¹⁵.

Л. З. Будагов в своем словаре, исследовав чагатайский, алтайский, башкирский, киргизский, казахский варианты слова «кош» (قوش) писал, что «от первоначального значения слово это приняло значение, как например в башкирском шалаша, лагери, балагана, в котором живут пастухи или рыбаки, палатки, на время поставленной, в киргизском — походной кибитки, жулямейки, в бухарском (чагатайском наречии. — М. А.) то же значение, ставка, лагерь. Отсюда, как мне кажется, следует производить значение выражения киргизского قوش اغاسى распорядитель караваном кочевки, старшина в походе, а теперь употребляется как титул: господин, лицо весьма уважаемое, от того же значения бухарского и хивинского قوش بكى ныне употребляется как титул высокого гражданского чина, первого министра»¹⁶.

В. В. Григорьев называл кошом главную ставку бухарских войск¹⁷. Г. Вамбери комментировал слово «кошбеги» как «начальник служителей или чиновников хана, первый министр»¹⁸.

Напомним, что кошом называлась и главная ставка запорожского казачьего войска¹⁹. Один из вариантов слова «кош» (قوش) в словаре В. В. Радлова комментирован так (вариант 4, чагатайское наречие): ставка, лагерь, войско (— eine Menge in der Steppe stehende Jurten, das Lager, Heer) Қош баги первый министр в Бухаре (— der erste Minister in Buchara)²⁰.

Кош как ставка и воинский лагерь отмечен и в хорезмских исторических хрониках. Авторы «Фирдавс ал-икбал», говоря о набегах хорезмских воинских отрядов на туркменские племена, сообщают: «Когда до Кызыл-Кыра осталось расстояние несколько более половины дневного перехода, был послан вперед караул из 200 йомутов,

¹⁰ Тарих-и Абу-л-Файз-хан, л. 31а и след. ملك بجوشن قرار گرفت

¹¹ В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в., Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1963, стр. 396.

¹² Там же, стр. 396. اورون اول مقام قورچی باشی است او و...
(там же, стр. 391) قوش بیگی و بعد از و چهر اقالی

¹³ Там же, стр. 396, пр. 33.

¹⁴ Там же; Тухфат ал-хани, ркп. ИВ АН СССР, инв. № С 523, л. 1686.

¹⁵ Посольство к Зюнгарскому хунтайжи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этнограф.), т. X, вып. 2, стр. 28—31.

¹⁶ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, стр. 82—83.

¹⁷ [Григорьев]. Караханиды в Мавераннахре по тарихи Мунеджим-баши в Османском тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, ТВОРАО, ч. XVII, 1874, см. прим. 69 (стр. 87).

¹⁸ H. Vambery. Džagataische Sprachstudien, Leipzig, 1868, см. слово قوش بیگی

¹⁹ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь..., II, стр. 83; см. там же бухарское выражение سوای قوش — походный товарищ, однокашник.

²⁰ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, стр. 636.

во главе с Тюре Мурад-кином и Бек-Али-Мирабом. С ними же отправились вперед по два, по три человека от большой части кошей для рытья колодцев»²¹.

Автор сочинения «Гульшан-и давлет» Агехи, излагая царствование Сейид Мухаммед-хана (1858—1865), писал: «Местом (следующего) их собрания явилась ставка (кош — так в русской огласовке.—М. А.) одного из величайших и славнейших саванников государства, Хасан Мурада-кошбеги, родственника хана в шестом поколении»²². Тот же автор сообщает, что туркмены «ушли от кошбеги и двинулись со своими кошами (قوشلاری بلان) по своим местам»²³. Далее, после серьезного разногласия с туркменскими племенами, «кошбеги, принявши меры предусмотрительности, перебрался со своим кошем в крепость Куна-Ургенча»²⁴.

В другом сочинении, говоря об отражении набегов туркменских племен на поселения жителей крепости Ильялы (между Куна-Ургенча и Ташаузом), Агехи отмечал: «Ввиду того, что окопы в новом месте, вследствие начавшегося боя, не были вырыты подобающим образом, военачальники нашли, что оставаться здесь на ночь нельзя, и поэтому (войска) вернулись в свои укрепления вблизи крепости Ильялы и провели ночь в своем коше»²⁵. И еще: «Мирзабаши вместе с Сары-сердаром явились в окопы Мухаммед Нияза-диванбеги и увидели, что Мухаммед Якуб-Махрам, вернувшийся (в это время) из Кара-Мазу, в плохом настроении сидит в коше своего брата Мухаммед Нияза-Ясаул-баши»²⁶.

Мы полагаем, что приведенных данных вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что между словами «кушчи» (если даже, быть может, в отдельных источниках его и называли «кушбеги») и «кош» нет ничего общего, как нет ничего общего между «верховным ловчим» ханской птичьей охоты и начальником ставки ханских войск — кошбеги. Имея под своим началом вооруженные силы государства, он расширял сферу влияния не только на дела военные, но и гражданские.

Источники упоминают о кошбеги, как о военачальнике в Бухарском ханстве, уже в последние годы царствования Шейбанида Абдулла-хана (1557—1598). Интересные сведения об этом мы находим в анонимном тюркском сочинении, где описано продолжение событий, изложенных в известном труде Мухаммед-Хайдара («Тарих-и Рашиди» заканчивается изложением событий до начала XVIII в.). Труд этот впервые был открыт В. В. Бартольд²⁷. По сообщению автора анонимного сочинения, через три года после востояния на престол Кашгарии Мухаммед-хана (он жил 72 года, правил 18 лет, умер в 1618 (1609/10 г.) Абдулла-хан послал на Кашгар стотысячное войско под начальством Ходжамкули-кошбеги»²⁸.

محمدخان تختدا اولتورغانی مدت اوج ییل بولوب ایردی ولایت
طرفیدن عبداللهخان خواجهقلی قوش بیگی نی باش قلیب اوزبیک
لشکریدین یوزمینک لشکر کاشغرغه ایباردی

Согласно автору «Бахр-ал-асрар», во главе узбекских войск, кроме Ходжамкули-кошбеги, стояли шейбанидские сultаны Узбек-хан (правитель Андижана) и Достум-сультан²⁹. Кашгарский историк XVII в. Шах Махмуд ибн эмир Мирза Фазил Чурас также писал об этом походе узбеков на Кашгар. Согласно его сообщению, спустя три года после смерти Абд ал-Карим-хана (ум. в конце 999/1591 или в начале 1000/1591 г.) Абдулла-хан, назначив Ходжамкули-кошбеги эмиром войска, послал его вместе с Узбек-сультаном в поход на Кашгар:

²¹ Фирдавс ал-икбал, соч. Муниса и Агехи, ркп. ИВ АН СССР, инв. № С 571, л. 497а. Русский перевод см. «Материалы по истории туркмен и Туркмени» (МИТТ), т. II, М.—Л., 1938, стр. 401.

²² Агехи. Гульшан-и давлет, ркп. ИВ АН СССР, инв. № В 1891, л. 143 б; русский перевод, МИТТ, II, стр. 587.

²³ Гульшан-и давлет, л. 185 б.

²⁴ Там же; рус. пер., МИТТ, II, стр. 598.

²⁵ Агехи. Шахид-и икбал, ркп. ИВ АН СССР, инв. № С 572, л. 96 б; рус. пер., МИТТ, т. II, стр. 623.

²⁶ Агехи. Шахид-и икбал, л. 125 а; рус. пер., МИТТ, т. II, стр. 637.

²⁷ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВОРАО, XV, стр. 237 (ркп. Азиатского Музея, инв. № 590 оі, ныне ркп. ИВ АН СССР, инв. № С 576). Сочинение без заглавия и имени автора. В. В. Бартольд оно отмечено как труд «кашгарского автора».

²⁸ Тарих-и Рашиди, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 10191, л. 374 б; под Кашгарским вилаетом автор подразумевает Мавераннахр.

²⁹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, Сочинения, т. 2, стр. 238—239.

عبدالکریم خان نینک وفاتیدین اوج ییل اوتوب ایردی عبدالله خان اوزبیک
یوز مینگ غه یعقین لشکر جمع قلیب اوزبیک سلطان و خواجم قلی قوش
بیگینی امیر لشکرلیککه تعیین قلیب کاشغر طرفکه روان قیلدیلار.³⁰
И еще:
اوزبیک سلطان و خواجم قلی قوش بیگی اوزبیک لشکریغه سردار
ایدیلار.³¹

В приведенных текстах Ходжамкули-кошбеги назван начальником и сардаром бухарских войск. Судя по сообщениям Шах Махмуда Чураса, кошбеги в XVII в. был первым и среди эмиров Кашгара:

محمد خان یارکند تختیده بر قرار بولوب میرزا غیاث ساغرینجی نی
قوش بیگی و اوج بیگی لیککه نصب قیلدی و امیر الامر³² قیلدیلار.³²

Как мы уже говорили, усиление власти кошбеги в Бухаре наблюдается в период упадка государства Аштарханидов (с самого начала XVIII в.). Кошбеги даже оттесняли тогда на второй план правящих государей. При этом следует подчеркнуть один весьма важный момент. Личная гвардия последних Аштарханидов: Убайдулла-хана и Абу-л-Файз-хана — состояла из калмыкских, иранских и других невольников (ханы с недоверием относились к узбекской кочевой и полукочевой аристократии), и самые властные кошбеги были выходцами из этой среды. Неслучайно Убайдулла-хан, придя к власти, сразу же назначил на должность кошбеги своего приближенного (инака) Абдуллах-хаджи калмыка³³.

Через несколько лет, 7 сафара 1121 г. х. (18 апреля 1709 г. н. э.), этот же хан собрал видных государственных сановников и эмиров в своем загородном саду Ханабад и объявил о решении учредить должность верховного кошбеги—кошбеги-и

кулл-и ³⁴(قوش بیگی کُلّ) и пожаловании этой должности своему приближенному (инаку) Туракули-бину, выходцу из рабов.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари пишет, что «в конечном результате положение Туракули-кошбеги (в огласовке переводчика «кушбеги») по милости государя достигло такой степени, что эмиры и сановники ловили каждый его взгляд³⁵. Государь же неоднократно ему жаловал на дню по четыре дорогих халата; просил ли [Туракули] то или другое количество серебра и золота, государь (ничего) не жалел [для него], он [даже] препоручил ему пожалование чинами и должностями. Современники его, по своему обычаю [подхалимства], повиновались его письменным распоряжениям, касающимся важных государственных дел, без всякого ханского ярлыка»³⁶. Автор «Убайдулла-наме» пишет: «Этот человек (Туракули), по наружности суфий, в конце концов стал таким, что среди эмиров оказался наивысшим»³⁷. Назначение Туракули, «сына раба» (غلام بچه) ³⁸, на должность верховного кошбеги вызвало бурную реакцию

³⁰ Шах Махмуд Чурас. Тарих Мирза Махмуд Чураси, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 8759, стр. 290—291.

³¹ Там же, стр. 259.

³² Там же, стр. 290;

аучбеги — «бек фланга (войск)». Тюркское слово «уч» означает «конец» и в контексте употребляется в значении «фланг, крыло войска». В этом значении слово «уч» употреблялось у тюрков еще в глубокой древности, например в надписи Тонйукука (Тонькука). См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 59, 63, 69; Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков, Алма-Ата, 1969, стр. 370, прим. 4; Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 603.

³³ Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1532, л. 29 б; рус. пер. А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 45.

³⁴ Убайдулла-наме, л. 191 б—192 а; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 211—212. Араб-

ское слово кулл ³⁵кُلّ означает «все, весь», отсюда «кошбеги всего», т. е. «верховный кошбеги».

³⁵ امرا و ارکان دولت نگران بحرف و نکان او شدند

³⁶ اهل زمان چنانچه عادت ایشان است مکتوبات اورا در فصول مهمات
ملک بدون یارلیغ مطیع کردندند

³⁷ Убайдулла-наме, л. 193 б—194 б; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 214.

³⁸ Убайдулла-наме, л. 206 б.

узбекской феодальной знати. Не прошло и двух лет, как хан пал жертвой ее заговора.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари отмечает, что «одною из причин убийства государя и гибели царства была незадачливость Туракули. Он принадлежал к числу молодых дворцовых слуг, ни на йоту не имел ума и был лишен здравого смысла, так что его всегдашними собеседниками являлись (разные) шуты и клоуны; он общался с людьми пустыми, с низкосортными стихотворцами, опиофагами и болтунами и не имел никакого представления об управлении государством. Дело в том, что этот сын раба был зачислен в штат дворцовых слуг, и, получивши надлежащую дрессировку³⁹, был занят лишь играми и забавами, но государь, по (своему) легкомыслию и неответственности, как не прошедший хорошей школы жизни, не вкусивший ни горячего ни холодного от судьбы, предпочел этого дворцового казачка⁴⁰ [прежнему кошбеги]. Нет более ясного подтверждения недостатка в государе, как то, когда он перекладывает счастливое (спокойное) седло с коня на спину осла и службу феникса приказывает исполнять филину; предоставив малому человеку место великих людей, делает его

правителем государства (مَدِيرِ مَلِكِ فَرَضِ كَرْد) главным из эмиров и украшением собранний военного сословия»⁴¹. (طَفَرای مجلس جمهور سپاه کردانید).

Но и после дворцового переворота должность верховного кошбеги захватил выходец из калмыков — Джавшан, в прошлом специальный палач, приводивший в исполнение смертные приговоры над принцами крови. В дворцовом перевороте он, наряду с узбекской военно-феодалной знатью, «несколькими обиженными (государем) военными», играл ведущую роль⁴². Автор «Тарих-и Абу-л-Файз-хан» Абд ар-Рахман Давлет Тали' так и пишет: «С согласия узбекских эмиров в Чарбаге Пир-и Марза рукою Кучик-Хайвана минга и старанием Джавшан калмыка [был убит Убайдулла-хан]»⁴³.

Джавшан-калмык, назначенный верховным кошбеги и великим инаком (ханским приближенным), стал управлять государством самовластно. Он демонстративно игнорировал хана. Как пишет автор «Тарих-и Абу-л-Файз-хан», «вся власть перешла в руки Джавшаң калмыка»⁴⁴. По словам Мир Мухаммед Амин-и Бухари, Джавшан-калмык готовился даже лично занять престол. «Этот еретик, — пишет Мир Мухаммед Амин-и Бухари, — ввел [никем] не признанные новшества и насадил другие пути и обычаи. Этот заблудший дерзко входил в интимные комнаты государева гарема, куда никому и в голову не приходило проникнуть, и никто не мог ему воспротивить этого. Его высокомерие и надменность достигли такой степени, что эмиры и военные боялись одного сурового его вида, и ему пришла мысль отправить несколько именитых эмиров к государю-мученику (т. е. убить. — М. А.), чтобы (самому)... сделать ханом»⁴⁵. Хотя этот лицемер с большими усилиями посадил на престол Сейид Абу-л-Файз-султана, погубив [много] человеческих жизней, он все же не считался с ним и никого знать не хотел, кроме себя; власти Абу-л-Файз-султана он не придавал [никакого] веса и с его приказаниями не считался; себя он сделал верховным кошбеги... Жизнь [Абу-л-Файз]-султана была очень стеснена, и он нуждался в необходимых средствах для своего существования так, что государь оказывался ни в чем не вольным»⁴⁶.

Помимо всего этого, кулл-и кошбеги одновременно был правителем нескольких вилайетов (областей). Так, в ярлыке о назначении упомянутого выше Джавшан-калмыка на должность верховного кошбеги указывалось, что ему поручается власть (قلم رو) над вилайетами Бухары, Самарканда, Кеша, Хисара, Термеза и Ташкента⁴⁷.

³⁹ از تدبیر ملک اصلا خبر نداشت زیرا که آن غلام بچه در سلک غلامات در باری تربیت یافت

⁴⁰ В тексте «...آن غلام بچه کوتاه بالا را», следовало бы перевести «этого презренного сына раба».

⁴¹ Убайдулла-наме, л. 213 б—214 а; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 238.

⁴² Убайдулла-наме, л. 17 а, 210 а; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 30, 233—234.

⁴³ Тарих-и Абу-л-Файз-хан, ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11, л. 2 а; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 14.

⁴⁴ Тарих-и Абу-л-Файз-хан, л. 31 а—б; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 36.

⁴⁵ دعوی خانی کند

⁴⁶ Убайдулла-наме, л. 255 б, 256 б; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 285—286; Тарих-и Абу-л-Файз-хан, л. 31 а—б; рус. пер. А. А. Семенова, стр. 36.

⁴⁷ Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 289, л. 133 б. مکتوبات منشآت و منشورات

Власть кошбеги особенно упрочилась при последних правителях Бухары — Мангытах, когда кошбеги уже при первом же государе новой династии Мухаммед-Рахим-бие аталыке (1752—1758) стал первым эмиром государства. Исключение составляли периоды царствования Шах-Мурад-Ма'сума (1785—1800) и Насруллы (1826—1860). При втором государе Мангытов Данийал-бие аталыке (1758—1785) вся власть в ханстве, в том числе финансовые дела, сосредоточилась в руках верховного кошбеги, выходя из иранских невольников Давлета, ставшего кошбеги еще при Мухаммед-Рахим-бие аталыке. Сам Данийал-бий, находясь под полным влиянием кошбеги, боялся выразить свое недовольство всемогущим царедворцем.

Автор солидного труда по истории Средней Азии Мир Абд-ал-Керим Бухари рассказывает, что однажды царевич Шах-Мурад-бий, придя к отцу, по секрету сказал: «Давлет кошбеги завладел всем государством (کل ملکتر امتصرف داشت)

[даже] наше с вами [ежедневное] довольствие дает [нам своими] руками. Какое [у вас найдется] средство [против этого]? Данийал-бий ответил, что «я это понимаю, но меры [против этого] не знаю»⁴⁸. На что Шах-Мурад-бий сказал, что средство для избавления от власти кошбеги легкое. После этого через несколько дней Шах-Мурад-бий под видом того, что ему нужно посоветоваться с кошбеги по поводу приема послов, прибывших из Коканда, пригласил Давлета кошбеги к себе в дом где он был схвачен и зарезан»⁴⁹.

Тем не менее при преемнике Шах-Мурада, эмире Хайдаре (1800—1826) власть кошбеги вновь усилилась. По словам Мир Абд-ал-Керима, в руках кошбеги в царствование эмира Хайдара находилось все управление⁵⁰.

Автор позднейшего сочинения «Тухфа-и шах» («Подарок шаха») Мирза Абд-ал-Азиз Самы сообщает, что управление страной, осуществление высшего надзора за налогами, финансами находились в руках верховного кошбеги⁵¹.

Власть кошбеги в Бухаре сохранилась и после установления российской протектората. Все важные сношения бухарского правительства с русскими властями, как показывают исследованные нами документы «Архива канцелярии бухарского кошбеги», велись не через эмира, а через кошбеги. Он оставался первым министром Бухары вплоть до свержения феодально-деспотического режима эмира та революцией 1920 г.

М. А. Абдураимов

⁴⁸ Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand), Paris, 1876, стр. 54 (перс. текст).

⁴⁹ Там же, стр. 54—55.

⁵⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 282—283.

⁵¹ Тухфа-и шах, ркп. ИВ АН УССР, инв. № 1458, л. 43 б—44 а; Мирза Абд-ал-Азиз Самы. Тарих-и салатин-и Мангитийа, изд. текста, предисл., пер. и прим. Е. М. Елифановой, М., 1962, стр. 123.

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ОРУДИЙ КАМЕННОГО ВЕКА В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

Систематические археологические разведки в Ташкентском оазисе позволили выявить ряд стоянок и местонахождений орудий каменного века и мастерские кремневой индустрии¹. Значительная группа их расположена в бассейне Ахангарана, в районе

¹ А. П. Окладников и О. И. Исламов. Палеолитические находки в урочище Шуралисай (Бозсу-2), История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ), вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 51—60; А. П. Окладников. Краткий отчет о раскопках Ходжикентской пещеры в 1958 г., ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 23—30; Х. К. Насреддинов. Грот Оби-Рахмат, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 21—27; М. Р. Касымов. Памятники каменного века в долине Ангrena, Общественные науки в Узбекистане (ОНУ), 1967, № 2, стр. 57—58; Н. Х. Ташкенбаев. О новых находках палеолитических орудий в районе Ангrena, ОНУ, 1967, № 3; его же. Находки материалов каменного века на территории строительства Чарвакской ГЭС, ОНУ, 1968, № 6; его же. О морфологических признаках каракамышского палеолитического материала, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 11—15; М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен, там же, стр. 21—27; М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии, Ташкент, 1972; Н. Х. Ташкенбаев. О некоторых проблемах палеолита (Кухистанская стоянка), ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, стр. 11—15; М. Р. Касымов. О результатах работ Ахангаранского палеолитического отряда (по данным раскопок 1971 г.), ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, стр. 11—20. Сводку нахо-